

С.Бармак

Сиддик БАРМАК — выпускник ВГИКа, приехал в свое время учиться в Москву из Афганистана. В 2003 году его картина “Усама” получила на Каннском кинофестивале “Золотую камеру”, а потом и премию “Золотой глобус”. Тогда-то и вспомнили у нас, что он учился во ВГИКе, гордились тем, что не чужой человек стал обладателем столь престижных наград. Сегодня Сиддик Бармак — единственный в Афганистане режиссер, работающий с крупными западными компаниями. Его “Усаму” показали на ММКФ год назад, позднее она вышла в прокат. Нам удалось встретиться и поговорить с режиссером в Ереване, во время кинофестиваля “Золотой абрикос”, где его фильм участвовал в конкурсной программе. Вместе с режиссером приехала в Армению и юная актриса Марина Гольбахари, исполнившая в “Усаме” главную роль. 12-летнюю Марину Сиддик нашел на улице. А уроки русского, как выяснилось, не забыл.

— ВГИК я окончил в 1987 году. Это не была специальная студия для афганцев, все мы учились на разных факультетах и у разных мастеров: кто-то на кинооператорском, кто-то на экономическом. Были и документалисты, и режиссеры игрового кино. Мы были смешаны со студентами из России и других стран. Проходили, как и все, конкурс. Я поступал к Герасимову, но оказался у Юрия Чулюкина, поскольку решили, что моя манера больше подходит для его мастерской, нацеленной на подготовку режиссеров, снимающих фильмы для детей и юношества. Наш мастер ушел из жизни незадолго до окончания нами института. Должен сказать, что благодаря ВГИКу я стал кинематографистом. Влияние русской школы и русской интеллигенции на меня оказалось велико. Хотя время было тяжелое — советские войска вошли в Афганистан.

— Вы были тогда совсем молодым человеком. Имелся ли у вас какой-то кинематографический опыт, позволивший поехать именно во ВГИК? Возможно, ваша семья поспосбствовала этому?

— Я родился в ста километрах от Кабула. Мои родители не имели никакого отношения к кино. Мама — домохозяйка, отец был офицером полиции. Дома я строил нечто вроде кинотеатра, показывал родителям и друзьям в темной коробочке кино. Школу окончил уже в Кабуле. И еще до ее окончания на частной киностудии в течение трех лет работал над короткометражками в качестве звукорежиссера, осваивал и другие технические профессии, был ассистентом режиссера. Все это позволило мне понять природу кино. Потом поехал учиться в Москву. Я без малого двадцать лет не говорил по-русски. А живя в Москве, даже сны видел на русском языке. Сейчас они приходят на фарси.

— Когда ваша картина “Усама” была отмечена на Каннском кинофестивале “Золотой камерой”, а потом и престижной премией “Золотой глобус”, а российских лауреатов не было совсем, у нас стали гордиться тем, что вы — выпускник ВГИКа, значит, наш...

— Картину я закончил в марте 2003 года. А в апреле побывал в Москве

после семнадцатилетнего перерыва, впервые после окончания института. Приехал вместе с министром культуры Афганистана. Зашел во ВГИК, встретился с его ректором господином Новиковым. Рассказал ему, что закончил картину и хочу представить ее в Канне. Он не воспринял это очень серьезно. После того как я получил “Золотую камеру”, написал ему, ведь я — вгиковец. Русская киношкола дала мне возможность снять такое кино, как “Усама”.

— А что же вы делали в течение 17 лет после окончания ВГИКа, вернувшись на родину?

— Тогда в Афганистане у меня не было возможности снимать кино. Кроме того, существовал жесткий закон, согласно которому по окончании учебы студент должен был пойти на службу в армию. Меня хотели послать на фронт. Мои дипломные и учебные работы, показанные в Кабуле, восприняли как политическое недоразумение, а меня самого как антиафгански настроенного человека.

Сложилась трудная ситуация. И через год я решил покинуть Кабул и поехал в Поншир, поскольку почувствовал моджахедам. Создал кружок документалистов, которые работали для фронта. Было это в 1992 году. Потом вернулся в Кабул. Возглавил киностудию. Шли ожесточенные бои. Но мы сохранили студию и ее архив, даже снимали документальные и игровые картины. Было тяжело жить и работать, но мы считали своим долгом остаться на родине. Многие из моих соотечественников, учившихся во ВГИКе, уехали из Афганистана во время войны. Живут в Германии, Швейцарии, США. Кто-то снимает там малобюджетные фильмы. Но некоторые актеры остались в Афганистане, пережили все ужасы войны. Одна из девушек во времена талибов попыталась открыть школу для девочек, но ее арестовали, в результате она потеряла своего нерожденного ребенка.

Стучилось так, что и меня хотели арестовать, и я вынужден был с женой и дочерью покинуть Кабул, жить на севере страны. Снял даже при помощи видеокамеры картину. За время войны у меня выросла дочка, родился сын в провинции недалеко от Таджикистана. Финансовое положение

становилось все хуже, пришлось искать работу, чтобы обеспечить семью. Поехали в Пакистан. Там я стал сотрудником центра Би-би-си, делал радиосериалы, в которых играл роли, а потом и режиссировал. Назывался проект “Новый дом, новая жизнь” и пропагандировал то, как устроиться после войны, создать дом. После победы моджахедов я вернулся на родину. Опять руководил киностудией. Пришлось восстанавливать разрушенное. Около 2500 картин из нашего архива было уничтожено, сожжено. Но кое-что из копий уцелело, в том числе четыре фильма Тарковского, “Цвет граната” Параджанова, который я очень люблю. Талибы дали команду уничтожить архивы радио, кино и телевидения. Начали с кино. Но сотрудники архивов прятали оригиналы на крыше, между стен. В итоге удалось спасти около шести тысяч копий.

— Насколько вы сейчас свободны в своем выборе?

— В Афганистане появилась возможность свободно говорить. Существует, конечно, страх. Есть люди, недовольные свободой слова. Но мне никто никогда не угрожал, а моя картина, над которой я работаю, резко критикует то, что происходит в стране. Но никто не может помешать мне высказаться.

— “Усама” шла в кинотеатрах? И что означает само это слово?

— В фильме никто из героев не имеет собственного имени. Они словно потеряли индивидуальность. Есть сцена, где ребята бегут за героиней, переодетой в мальчика (это сделано, чтобы элементарно прокормиться и выжить), и кричат, что она девочка. Находится единственный парень, ко-

торый, чтобы защитить и уберечь, называет ее именем Усама. Он сам его придумал, полагая, что это имя устрашит (ведь Усама бен Ладен — символ страха) и героиню оставят в покое.

После Каннского кинофестиваля состоялась премьера в Кабуле. Шла картина в течение четырех недель в трех кинотеатрах города. Фильм выпустили на DVD, CD, появились даже пиратские копии, доступные в Афганистане, Пакистане, других среднеазиатских странах. Многие фильм посмотрели. Были довольны, сочувствовали главной героине. Я заходил в кинотеатр, и люди рассказывали мне после просмотра, что подобные истории случались с кем-то из их знакомых и родных. Отклики были самые добрые. Причем наши зрители плакали там же, где французы и американцы, ведь люди одинаково устроены, где бы они ни жили.

— Насколько ваша жизнь изменилась после появления картины?

— Это был большой опыт для меня. “Усама” — первая афганская картина, которая пошла во Франции, других европейских странах, США, России и Африке. Она участвовала где-то в 65 кинофестивалях, получила около 26 призов — в Лондоне, Барселоне, Бразилии, Южной Африке, Южной Корее, Балканских странах. Я почувствовал, какая мощная сила — кино, способная преодолеть все границы.

Для Марины Гольбахари и других актеров — это тоже событие. “Усама” дала мне возможность купить для Марины дом, которого у нее не было. Теперь она учится в школе. Ей — 15 лет, но она еще только в 4-м классе. Юному актеру, сыгравшему сочувствовавшего героине мальчика, я купил

лавочку, чтобы он имел возможность работать. Если картина не может коренным образом изменить жизнь зрителей, то хотя бы способна улучшить положение некоторых актеров.

“Усама” стала примером для наших молодых кинематографистов. Они сейчас снимают хорошие короткометражки, некоторые из них показывались в кинотеатрах. Началась жизнь в кино Афганистана. Мы работаем над созданием своего фестиваля “Перекресток”, ведь Афганистан — это и есть перекресток культур. Вначале пригласим соседей — Китай, Индию, Пакистан, Иран, Таджикистан, Узбекистан и даже Киргизию. Потом расширим географию за счет европейского, американского, российского и африканского кино. Кабул может стать местом встречи для кинематографистов. Уже в 2006 году проведем первый свой “Перекресток”. Исударство денег, конечно, на это не дает. Но может помочь тем, что предоставит на время кинотеатры, находящиеся в ведении мэра города. Средства найдем через международные фонды и организации, развивающие культурные связи. Обещали свою помощь Швейцария, Норвегия, Франция, Великобритания.

— А населению доступны билеты в кинотеатры?

— Вполне. Билет стоит около 50 американских центов. Конечно, жизненный уровень низок, безработица страшная, доходы идут в основном от наркобизнеса. Девушки наши теперь уже могут учиться в школах, во времена талибов это запрещалось. Женщины имеют право работать и создавать свои организации. Люди участвовали в выборах президента. Словом, идут позитивные изменения. Хо-

тя большинство девушек, выходя замуж, не имеют права выбора. Жениха находят родители. По этой причине случаются трагические ситуации. В одной нашей провинции, близкой к Ирану, около 120 девушек после свадьбы сожгли себя. Многие законы не имеют отношения к религии, существуют на уровне укоренившихся восточной традиции и мышления. Есть у нас и коррупция. Кто-то сказал очень точно, что у нас не студенты школы коррупции, а педагоги.

Большинство моих соотечественников предпочитают индийское кино, некоторые американские фильмы. В моей стране кино — единственное средство массовой информации. Вы только представьте, что в XXI веке у нас еще 80 процентов составляют неграмотные люди. Это кошмар. Они не умеют читать, но у них большая тяга к кино и телевидению. Они много смотрят телевизор, доступны для них DVD и CD, кинотеатры. Каждый афганский кинематографист думает над тем, как повлиять на мнение своего народа, дать ему новую информацию и возможность почувствовать себя человеком в XXI веке. Кино имеет на афганцев большое влияние. Как-то в очень отдаленном поселке вместе с друзьями мы повстречали старика с ослom. Спросили, знает ли он президента Афганистана. Он ответил, что слышал о нем по радио, но никогда не видел. Мы показали ему фотографию Чарли Чаплина. А он сказал, что это не президент, а Чаплин. Мы даже засняли этот эпизод.

— То, что создается в нашем кино, наверняка — копродукция?

— Мои продюсеры — британцы, бельгийцы, французы и шведы. Отрабатывается комбинация разных партнеров. Но в Афганистане можно снимать и малобюджетное кино. Делаются и многосерийные телефильмы. Но бюджеты этой продукции не превышают ста тысяч долларов.

— А что за картину вы снимаете?

— Она о сегодняшнем Афганистане и о будущем. Это черный юмор по поводу того, что происходит у нас, а конкретно о человеке, живущем в танке. Танк стал для него домом. Рабочее название картины — “Война объемов”. В середине октября начнется съемочный период, и к концу марта 2006 года мы должны работу закончить. Хочу успеть к Каннскому кинофестивалю. Мечтаю побывать и в Москве на ММКФ. В последний раз я был на нем в 1985 году, когда победил фильм Элема Климова “Иди и смотри”. Хорошо, что ваше кино опять на подъеме. Оно должно помочь молодым быть русскими. Можно снимать кино транснациональное, но, как сказал Чехов, если вы не находите тему, говорите о тех местах, в которых родились. В России — месторождение тем.